

Альбина Демиденко

Любовь среднего возраста

Альбина Демиденко

Любовь среднего возраста

«Издательские решения»

Демиденко А.

Любовь среднего возраста / А. Демиденко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939389-0

Поздняя любовь, как горсть красной рябины! Припорошенная снегом манит, горчит на губах, но вкусна!! Герои моих романов вполне реальные люди, которые живут с нами рядом.

ISBN 978-5-44-939389-0

© Демиденко А.
© Издательские решения

Содержание

Москва – Петербург	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Любовь среднего возраста

Альбина Демиденко

© Альбина Демиденко, 2018

ISBN 978-5-4493-9389-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие читатели!

Мне часто задают вопросы: «Как вы придумываете сюжеты? Где находите своих героев и такой материал?» Я отвечаю: – «Оглянитесь! Вслушайтесь! У каждого из нас своя история, свой сюжет!»

За свою не маленькую жизнь пришлось много времени провести в разъездах. Вы замечали, как откровенны попутчики в поездах? Порой слушаешь и душа замирает – неужели человек может столько вынести, выстрадать? Может! Давно убедилась – жизнь не прогулка по Тверскому бульвару! И если умеешь слушать и соучаствовать – ты Человек!

С уважением, Альбина Демиденко.

Москва – Петербург

Глава 1

Она влетела в вагон за пять минут до отправления поезда. Эти московские пробки, никогда не рассчитать время! В купе уже сидел попутчик, вернее, он, перегнувшись через столик, посылал воздушные поцелуи молодой моднице, стоящей на перроне. Нина иронично взглянула на «елейную» картинку и усмехнулась: «Папик прощается с очередной пассией». К новомодному веянию пожилых заводить молоденьких субреток она относилась с иронией; смешны эти молодящиеся старцы и жалко юных девчонок, за жизненную загнанность нищетой и неумение устроить судьбу другим, более достойным способом. Впрочем, каждый сам выбирает свой путь. Не судите, да не будете судимы – не единожды останавливала она себя.

Поезд медленно сдвинулся с точки стояния и плавно поплыл вдоль перрона, постепенно набирая скорость. Мимо окон замелькали вначале лица провожающих, затем пристанционные постройки. Мужчина оторвался от окна и сел на свое место.

- Добрый вечер, – наконец осенило его поздороваться.
- Добрый.

Нина уложила сумку под полку, предварительно вынув из нее необходимые для дороги вещи, расправила постель. Вошла проводница, проверила документы, оторвала от билетов необходимые ей талоны:

- Уважаемые пассажиры, мы приготовили вам дорожные наборы: чай, кофе, салфетки. Приобретите, недорого.
- Спасибо! Вот сейчас девушка устроится, переоденется, мы что-нибудь закажем, – с воодушевлением отозвался попутчик и вышел, плотно прикрыв за собой дверь купе.

Нина переделалась, достала из сумочки книгу, очки, аккуратно уложила вещи, открыла дверь купе, показывая соседу, что он может входить.

Сосед стоял у приоткрытого окошка, и врывающийся ветер отчаянно тербил его густую, тронутую сединой, шевелюру. Статный, с хорошо развернутыми плечами он невольно притягивал к себе взгляд.

– Устроились, – приветливо спросил мужчина, – а я вот люблюсь Подмосковьем. Какая красота, какой размах зелени! А небо, посмотрите, какое синее небо и облака. Поверьте, такие облака и такое небо только над Москвой.

- Вы не москвич? – улыбнулась детской восторженности мужчины Нина.
- Это как сказать и с какой стороны посмотреть.
- А... Понятно.

– Да ничего Вам не понятно, – мужчина махнул рукой.

«Обиделся дяденька. Ну и Бог с ним. Нам детей не крестить». Но на душе остался неприятный осадок, обидела ни за что человека, а он, может быть, от души восхищался природой и погодой.

За окном мелькали дачные поселки и подмосковные села. Закатное солнце дрожало солнечными бликами среди листвы придорожных посадок, отражалось в окнах мелькающих домов, золотило рябь речушек, мимо которых бодро бежал состав. Постепенно городская суета отошла в сторону, а покой и уют, спокойная размеренность пейзажа за вагонным окном принесли успокоение и какое-то умиротворение. Живут же люди тихо и спокойно! Вон мужик – копается в грядке и не торопится на электричку, не догоняет переполненный трамвай, не боится утром проспать на работу, не дописать служебную начальнику или вовремя не отреагировать на строгое директорское предупреждение.

– То же любуетесь, – не то спросил, не то подтвердил неожиданно появившийся за спиной Нины сосед. – Такого простора и такого спокойствия, доложу вам, я не встречал нигде, ни в одном уголке мира. А уголков этих довелось повидать немало.

Женщина, опасаясь неосторожно еще раз обидеть мужчину, промолчала, хотя его замечание о разных уголках вызвало интерес.

– Посмотрите, посмотрите – какая красивая церквушка! Теремок, да и только! – он показал на маленькую церковь, которая бочком прижалась к погосту. – А знаете, раньше при каждом погосте стояла часовенка, куда можно было в любое время зайти, помолиться, поставить свечку в память усопшего.

– Нет, этого я не знала. Я думала часовни при церквях и в больших поместьях оборудовали по собственной воле владельцы, не желающие толпиться в общей массе холопов при служении праздничных и прочих обрядов.

– В какой-то степени вы правы. В больших имениях были часовни, но это была небольшая культовая постройка без специального помещения для алтаря, но с иконами и лампадой. Церковники делят часовни на несколько типов. Семейная или фамильная предназначается для погребения тел и поминовения праха родственников. Ритуальная – выступает в роли священного места, где проводят молебны. Поминальная – возводится в память покинувших нас. Кстати, вот вы, москвичка, не расскажите ли мне об одном всем известном памятнике-часовне, что расположен у Ильинских ворот?

– У Ильинских ворот, на Старой площади?

– Вот именно, на Старой площади.

– Там, напротив Политехнического, в Лубянском сквере, установлен памятник защитникам Плевны.

– Точно. Часовня иконы Божьей Матери «Знамение» и святого благоверного князя Александра Невского и есть памятник гренадерам – героям Плевны – в память погибших русских солдат при освобождении Болгарии от Османского ига в 1877—1878 годах.

– Конечно, я знаю это место. Это работа архитектора Шервуда. В детстве мы с братом часто ходили на прогулки в этот сквер. Он рассказывал про то, как простой народ собирал деньги на строительство этого монумента. Я помню, как потрясли меня установленные в нишах горельефы с изображением исторических картинок жизни болгарского народа. А однажды брат показал репродукции картин Верещагина, посвященные военным баталиям. Вернее, последствиям баталий. Помните его великолепные полотна: «Победители» и «Побежденные. Панихида»? Они наполнены солнечным светом, который еще больше подчеркивает трагизм и невозвратность.

– Это вы точно подметили. Он сам писал, что любит солнце, но фурия войны преследует его постоянно.

– Не удивительно. Насколько мне известно, он с отличием закончил Морской кадетский корпус. Не знаю, насколько это правда, но где-то я читала, когда его, как лучшего кадета, представили великому князю Константину Николаевичу, он, пользуясь моментом попросил разрешения написать рапорт об отставке, чем вызвал царственные гнев.

– И не только гнев власти, но и семьи. Отец лишил его всяческой материальной поддержки

– Да. От судьбы не уйдешь. Гардемарин Верещагин мог бы стать выдающимся адмиралом, но закончил свой жизненный путь художником на адмиральском мостике броненосца «Петропавловск». Он ненавидел войну, а погиб в военной баталии, он любил солнце, а его поглотила морская пучина.

– Девушка, вы искусствовед или историк?

– И ни то, и ни другое, – рассмеялась Нина. – Я любопытствующая.

Мимо них, заглядывая в открытые двери купе, шла проводница, предлагая пассажирам чай.

– А не испить ли и нам чайку? – обратился к Нине попутчик.

– Пожалуй, не помешает, – согласилась женщина.

Виктор Александрович, так звали мужчину, оказался очень словоохотливым, но не навязчивым. Он легко вел беседу, умело переходил от одной темы к другой, сглаживая переходы то шуткой, то незлобивым анекдотом. На удивление, было приятно с ним общаться. Чай оказался вкусным, а сосед – интересным человеком. Они обсудили искусство заваривания чая, затем перешли к истории китайской чайной церемонии, вспомнили о лондонском чайном доме.

За окном мелькали русские пейзажи, колеса весело отстукивали километры, все дальше и дальше уходя от Москвы. Последний луч закатного солнца позолотил макушки деревьев, бегущих вдоль железнодорожного полотна, и скрылся за горизонтом. Пурпурно-синяя дымка медленно, но все плотнее и плотнее, подступала к окошkam состава. Вагон постепенно затихал. Проводники притушили верхний свет. Пассажиры, уставшие за день, устраивались на короткий ночлег.

Виктор Александрович просматривал газету, а Нина по давней привычке читать перед сном, раскрыла книгу. Она старательно пробежала глазами пару страниц, но смысл прочитанного ускользал из сознания, внимание не задерживалось на описываемых событиях, в голову лезли всяческие мысли, и, чтобы не неволить себя, она отложила томик, закинула руки за голову и предалась, как говаривал ее муж, «созерцанию невидимого».

В эту командировку она ехала с удовольствием. Последние три года Нина практически нигде не бывала. Дом – работа – дом. Первый год после гибели мужа и детей в авиакатастрофе переживала особенно тяжело. Понимая разумом, что никто не поможет ей выбраться из тяжелой депрессии, которая не только морозила губы, но и дышать ровно не давала, загрузила себя работой, благо в это время вводился новый проект, в который она вложила не малую толику своего ума, сил и нервов. Она считала себя маленьким винтиком в огромной машине, совершенно забывая, что именно на маленькие винтики ложится непомерная ответственность. Большое колесо пока сотрется, машина немалый путь пробежит, а маленький винтик выскочил и стоп колесико. Но об этом Нина не думала, тянула свой воз и была рада, что нет свободного времени думать о чем-либо другом, кроме работы.

Постепенно боль притупилась, ушла куда-то вглубь, и уже реже наворачивались слезы, и чаще стала появляться улыбка. Спустя два года по весне она вновь ощутила ласковое тепло солнца, заметила нежную зелень листы.

Однажды, в каком-то неожиданном порыве, вдруг зашла в цветочный магазин и купила красивый букет белых хризантем. Возвратившись домой, распахнула окна настежь и с удовольствием смотрела на таинственный вальс золотистых пылинок, которые безмолвно кружили и кружили в солнечном луче. И нежная зелень за окошком, и танцующие пылинки, и букет в старинной хрустальной вазе вызвали острое желание жить. Именно жить, а не существовать, жить, а не быть в том, сонно-роботном состоянии, в котором была до сих пор.

Когда-то в детстве Нине попала книга античных мифов, с которой она не расставалась несколько лет, читала и перечитывала. Особенно ее поразил рассказ о сказочной птице Феникс, обладающей способностью сгорать и снова возрождаться из пепла.

Детское сознание ярко рисовало как гордая птица, почувствовав немощь и старость, на закате солнца приносит в свое гнездо горящую лучину, вплетает ее в сухие ветки, и свернувшись калачиком, устраивается на самом дне своего жилища. Сухие ветки гнездышка вспыхивают, ветер раздувает огонь, ерошит перья птицы и вот уже не разобрать – языки пламени, или огненные перья гордого непокоренного орла колышутся. Постепенно черная темнота ночи окутывает живой костер, укрывает плотной завесой таинство происходящего.

И как только первый луч солнца, разорвав тьму, озаряет своим волшебным светом землю, свежий утренний ветерок сдувает серый пепел неостывшего костра. Солнце поднимается выше и выше, все дальше и дальше прогоняя черноту ночи. Его лучи скользят по вершинам гор, по воде, по траве, по стволам и листве деревьев, наполняя их силой и жаждой жизни. Вот они достигли гнезда, осветили маленький комочек, и он, согретый божественным теплом, напоенный солнечным светом вдруг шевельнулся, затрепетал, ожил. Еще немного, еще мгновение и гордая птица стряхнула с себя остывший пепел, расправила крылья, гордо выгнула голову и издала победный клич! Здравствуй солнце! Я живу!

Глава 2

Погода не баловала Нину в этот приезд. Однако туман и мелкий дождик – такие привычные для петербуржцев атрибуты – не изменили ее планы. Просыпалась она рано утром и, одевшись по-спортивно: ветровка, джинсы, кроссовки – отправлялась в полуторачасовую прогулку по полупустынным улочкам. В этом бродяжничестве была своя прелесть.

Укутанный туманом город кажется загадочным и таинственным. Вот, разрывая седые ключья, покачиваясь, выплывает огромный корабль, на палубе которого мелькают редкие огоньки, и чудятся шаги вахтенных, и срываются в туман запоздалые удары колокола, и сердце замирает от наползающей громадины. Но шаг, два – и корабль исчез, растаял, и глаза различают угол огромного, серого дома, в окнах которого вспыхивает свет. Город просыпается. А вот легкий парусник, покачивается на пенных водах, спешит куда-то вдаль. Мгновенье – и растаял в дымке, а на его месте вырастает красивая колокольня собора.

Надышавшись туманом и свежим морским ветром, она возвращалась в гостиницу, наскоро завтракала в буфете и спешила на конференцию. В первый день с огромным любопытством и вниманием вслушивалась в речи выступающих, пытаясь отыскать ответы на многие интересующие ее, да и не только ее, вопросы. Однако на второй день поняла, что ничего нового для себя здесь не почерпнет. Как на всех городских семинарах, так и на этой – региональной конференции, люди, далекие от практики, пытаются с умным видом рассуждать о пользе тех мифических идей, которые они создали в своем сознании, совершенно не задумываясь о практическом применении и реальной пользе фантазий о преобразовании мира. И ей стало скучно. Утром она отмечалась в списках прибывших, послушно отсиживала до первого перерыва и, часов в двенадцать, потихоньку, незаметно уходила.

К этому времени туман полностью исчезал с улиц города, и только низко надвинутая шапка неба да мелкий, морозящий, оседающий на лице незаметной влагой, дождик слегка напоминали об утренних миражах.

Дневной город не нравился Нине. Пропитанная дождем, разбухшая серая громада давила. Грустью веяло от «Русской Bastии», от стальной Невы, закованной в гранит и даже, игла Адмиралтейства, нанизывающая тучи, не вызывала у нее восторга. Чтобы не заразиться депрессией дождя, женщина отправлялась в Русский музей.

Очень давно, в юности, она с подружками без разрешения брата уехала в Ленинград. Так они решили отметить отличное окончание восьмилетки. Конечно, им по возвращении влетело за самовольство, но впечатления от той самостоятельной поездки, остались на всю жизнь.

Девчонки бродили до изнеможения по городу, восторгались белыми ночами, хотя всю прелесть этого явления сумели понять лишь спустя годы, с любопытствующим смущением рассматривали экспонаты кунсткамеры и с удовольствием остужали в Неве ноги, натертые до мозолей. Город девочки не знали, экскурсовода не было и потому каждое утро отправлялись гулять, куда глаза глядели. Первые три ночи спали на лавочке на Московском вокзале, пока бабушка уборщица не заприметила их.

– Вы что это девчонки, облюбовали вокзал, аль из дома выгнали родители? На вид вроде бы не бродяжки.

– Нет, нет! Мы не бродяжки! – девчонки испугались, что бабулька вызовет милиционера, и их заберут в участок. – Мы Ленинград приехали посмотреть, – хором объяснили они.

– Вона как. Ленинград посмотреть хотите. Понятно. И надолго смотреть приехали?

– Нет. Вот еще пару дней посмотрим, и домой поедем.

– Значит, днем по городу бегаете, а ночью сюда спать приходите, так?

– Так, – закивали головами девочки. – В гостинице мест нет.

Они умолчали, что в гостинице потребовали показать паспорта, а когда узнали, что они без родителей, чуть в милицию не сдали. Едва ноги унесли от швейцара. Бабушка, шаркая тряпкой по полу, пошла дальше гонять грязь, а они, успокоившись, прижались друг к другу, как цыплята. Все-таки вечера в Ленинграде даже летом прохладные.

Через полчаса, бабушка, закончив уборку зала ожидания, вновь подошла к дремлющим девочкам.

– Эй, красавицы, а ну-ка, поднимайтесь. Пошли-пошли.

– Куда? – испугались девочки.

– Да не бойтесь. Ко мне пойдем, я тут неподалеку живу. Хоть вымоетесь по-человечески, а то удумали на вокзале ночевать. Так и вшей словить можно и всякую другую заразу. Мучайся потом родители, лечи блудное дитя. А вы, видать, из интеллигентных семей. Родители-то знают, что вы в Ленинграде или с ума сходят разыскивая.

– Знают. Мы им записки оставили.

Комната у бабушки Лизы, так звали уборщицу, была большая, перегороженная ширмой на две половины, уютная, чистая. Постелила она гостям на широкой кровати, а себе на маленькой кушетке.

– А сейчас бегом в ванную, пока все спят. И не шуметь, народ в квартире трудовой, всем завтра на работу, мойтесь и спать. Да головы не забудьте с мылом вымыть, не дай Бог, вшей мне принесете.

Пока девочки отмывались в большой ванне, хозяйка вскипятила чайник и приготовила немудреный поздний ужин: порезала ливерной колбасы, и пожарила яичницу на пахучем украинском сале. Умытые, переодетые в чистое белье, благо взяли с собой сменку, дети быстро расправились с угощением, а она, попивая чай из большой эмалированной кружки, смотрела на них и посмеивалась.

– Лягушки-путешественницы. Ишь, что удумали – Ленинград посмотреть. Да его сколь ни смотри, всего не пересмотришь. Наш город красив. Его не смотреть, его сердцем принять надо. Вот тогда он вам и откроется.

У бабушки Лизы они прожили три дня, вернее трое суток. Детей у бабушки не было, жила она одна в большой коммунальной квартире, где в десяти комнатах располагалось десять семей. Утром выйти в туалет, в ванную не представлялось возможным, соседи терпеливо стояли в очереди, стыдливо переминаясь от нетерпения. Через пару часов все разбежались на работу, и в доме поселялась относительная тишина, которую нарушал кашель старого парализованного учителя музыки из третьей комнаты, да плачь малыша из пятой.

Девочки, наученные хозяйкой, время пик отсиживались в комнате, а затем, когда квартира пустела, шли умываться, и готовить немудреный завтрак – чай с бутербродами. Каждое утро они находили на столе записку от заботливой бабушки, в которой им давались советы – куда сходить днем, чем позавтракать, в котором часу вернуться домой вечером.

Именно тогда, по наставлению внимательной бабушки, Нина вместе с подружками впервые пришла в Русский музей и, как говорят, влюбилась. Влюбилась в просторные залы, в громады картин Репина, в тонкую лирику Ореста Кипренского, в суровую правду штормовых поэм Айвазовского.

Сворачивая с Невского проспекта, Нина каждый раз торопилась пройти Михайловскую улицу, с ее нависающими каменными громадами зданий. И замирала у перекрестка, любясь простором и строгой красотой площади Искусств.

Вот Пушкин читает свои стихи. Правая рука широким жестом отведена в сторону, ветер развеивает полы расстегнутого сюртука. И облака, проплывающие над ним, расступаются, позволяя солнышку согреть своими лучами одетого в бронзу поэта.

И как продолжение сказки, там, за фигурой Пушкина открывается строгая классическая красота Михайловского дворца. Любимое творение Карла Росси с восьмиколонным портиком и треугольным фонтаном. Однажды Нине пришла в голову странная мысль, что углы фонтана напоминают разворот углов треуголки Петра. Но друг, с которым она поделилась своими предположениями, только рассмеялся над «бредовыми измышлениями девицы».

Проходя через калитку к музею, Нина прикоснулась к чугунной ограде.

– Девушка, к экспонатам руками прикасаться запрещено, – услышала за спиной.

Резко повернувшись на голос, женщина увидела своего попутчика.

– Вы? Вот так неожиданность!

– А я смотрю – знакомая фигурка куда-то торопиться. Дайка, думаю, догоню, вдруг это моя милая попутчица, – Виктор Александрович приветливо поздоровался. – Вы что же, занялись изучением достопримечательностей Ленинграда?

– С этим музеем у меня много связано еще с детства.

– Вот как. Надеюсь, воспоминания приятные.

– А разве детские воспоминания бывают неприятными? Мне кажется, что со временем все плохое куда-то уплывает и человек постепенно остается с теплом добрых детских событий, которые помогают встретить преклонные года с легкой грустью.

– А вы поэтесса, Нина. Я еще в поезде заметил эту вашу особенность к лиризму. Признайтесь, в юности писали стихи?

– Нет, не писала. Как-то так жизнь сложилась, что не до лирики было. Но хорошую поэзию люблю.

– Хорошую? Пушкина, Лермонтова?

– Конечно, но и Гамзатова, Веронику Тушнову, Евгения Бачурина, Ольгу Фокину, есть неплохие мысли у Дуровой.

– Нина, ваша эрудиция меня все больше и больше удивляет. Как вы относитесь к театральному искусству?

– Театральное искусство... Что именно вы имеете в виду? Театр – это такое многообразие чувств. Мне трудно выразить все одним словом. Я не всегда понимаю и воспринимаю трагедию. Наигранность и выдуманное построение событий не для меня. Жизнь бывает более жестокой, нежели прилаженность передаваемых трагедий. Заламывание рук, позы, натянутость отношений – как бы ни велико было мастерство артиста, не может быть правдой. Оперетта – при хорошей музыкальной интерпретации, легкости и игривости – зажигает кровь. Балет – с его картинно-графической подачей сюжета, всегда напоминает хорошую сказку. И даже трагическая судьба умирающего лебедя несет в себе воздушное, волнующее очарование. А вы что предпочитаете?

– Как ни странно, но я с вами солидарен и балет ставлю во главу своих театральных предпочтений. Вы когда собираетесь обратно в Москву?

– Уже скоро. Через три дня.

– Это очень хорошо. Хорошо, что еще три дня будете в Ленинграде! У меня есть два билета в чудесный театр на завтрашний вечер, – он указал на Михайловский театр, – Нет, нет, не торопитесь отказываться! И не говорите, что вы уже не единожды бывали здесь, смотрели «Спящую красавицу». Безопасность и сохранность я Вам обещаю.

– Ну, если только сохранность будет обеспечена, тогда согласна я. Тем более, что, как не стыдно в этом признаваться, никогда не бывала в этом театре, – рассмеялась Нина. – И, конечно, смотрела этот спектакль, но в исполнении другой труппы, другого театра и в совершенно другом городе.

– Вот и прекрасно. Вам будет очень интересно.

– Однако, уместно ли? Как-то неожиданно.

– Милая дама, у вас есть мобильный телефон? Как с вами можно созвониться?

Нина назвала номер. Виктор Александрович повторил за ней цифры.

– С вашего позволения я позвоню вечером. Договорились? А теперь разрешите откланяться.

Мужчина по-старомодному слегка приподнял шляпу, склонил голову в полупоклоне, и торопливо направился к неподалеку стоящей машине, из которой тотчас выскочил шофер и открыл перед ним дверцу. Машина унеслась в марево дождя, исчезла, как мираж.

«Странный какой-то, – подумала Нина, – но с ним интересно общаться. Неудивительно, что молодая девушка увлеклась таким мужчиной». Она вспомнила проводы на вокзале, и молоденькую женщину, которой Виктор Александрович посылал воздушные поцелуи.

Желание посетить картинную галерею пропало, и она решила пройтись по улицам, тем более что робкие лучи солнца раздвинули тучки и весело заскользили по листве деревьев, зажгли огоньки капелек на траве, заиграли разноцветными бликами в лужах. Она свернула к каналу Грибоедова и пошла в сторону Казанского собора.

Тихая набережная, с красивыми переходными мостиками, нависающими ажурными фонарями располагали к спокойным раздумьям. После дождя дышалось легко, и женщина с удовольствием вглядывалась в такие знакомые и любимые пейзажи города. Мысли крутились вокруг неожиданной встречи, вызывая давно забытые волнения и фантазии.

– Виктор Александрович, мы же капитально опаздываем, – Миша резко надавил на газ.

– Ничего, Миша, ничего. По такому случаю и опоздать можно. Только ты постарайся не допустить такого конфуза.

– Ага, не допустить. А вдруг на мосту пробка, и зачем я свернул на этом перекрестке?

– Это очень хорошо, Миша, что ты именно сегодня и здесь свернул. Это очень хорошо.

Миша удивленно посмотрел в зеркало на мужчину. За пять лет, что он работает, это, пожалуй, первый случай, когда его шеф так спокоен несмотря на то, что они опаздывают на встречу. И кто эта женщина, к которой его строгий начальник, как мальчишка кинулся напрямик, через газон? Видимо, старая знакомая, с которой связаны хорошие воспоминания, раз он так счастливо улыбается. Чему улыбается?

Виктор Александрович перехватил любопытно-удивленный взгляд водителя и усмехнулся. Он сам не знал, почему вдруг эта женщина, с которой знаком всего лишь несколько часов, вдруг приснилась ему ночью и, вот уже несколько дней он корил себя за то, что не узнал, где она остановилась в Питере. Почему так хорошо и спокойно на душе после этой случайной встречи, почему ему вдруг захотелось увидеть её еще раз, и почему он так лихо соврал ей про билеты. Вспомнив про театр, он тут же набрал номер своего давнишнего друга.

– Привет, Валера. Как жизнь? – начал он разговор издалека. Расспросил о жене, о детях и внуках и только после такого длинного вступления попросил, – Слушай, мне помощь нужна. Не мог бы ты, по старой памяти, два билетика в Михайловский на завтрашний вечер достать?

– Для тебя лично или для кого-то? – тут же проявил любопытство друг.

– Для меня, для меня, конечно. И желательно места поприличней.

– А моей ложей воспользоваться не желаешь?

– Если только твоя морда в ней не появится.

– Боишься соперника? К сожалению, не появлюсь. У моей тещи завтра юбилей, и мы сегодня улетаем в Прагу. Но обещай, что ты меня познакомишь со своей пассией. Молоденькая, небось, красавица.

– Тебе бы все молоденьких охмурять. Очнись, мореман, нам уже не двадцать.

– Э, чем вино старше, тем больше бодрит. Так, я уже созвонился. Посылай гонца в театр, пусть скажет, что от меня.

– Добро. Я твой должник. Привет, Марии Тимофеевне и пожелание еще многие-многое лета.

– Принято.

Машина остановилась у здания.

– Успели, – водитель довольный, что не подвел шефа, открыл дверцу.

– Спасибо, Миша. Я и не сомневался. У меня просьба к тебе.

– Слышал. Пишите фамилию от кого представляться. Пока вы совещаетесь, я съезжу в театр.

Четкой походкой Виктор Александрович вошел в холл.

Глава 3

Ночь окутала их мягким покрывалом сумрака, едва они вышли из здания. За спиной остался театр с фейерверком огней, торжествующе-нежной лирикой мелодий и шквалом рукоплесканий. Мимо, шурша шинами, проезжали машины. Публика разъезжалась по своим домам. Театральная площадь постепенно пустела.

Нине не хотелось расставаться и потому на предложение спутника поужинать в кафе и прогуляться по ночному городу, она ответила согласием. Оглушенная звуками, блеском театра, женщина шла молча. Она была очень благодарна Виктору Александровичу за все эти впечатления, за этот чудесный вечер, за это богатство красок, но не знала, как свои чувства выразить словами.

Мужчина тоже не спешил прервать молчание. Весь вечер он внимательно наблюдал за своей спутницей, любясь ее четким профилем, тонкими чертами лица, на котором отображались все эмоции и воспринимаемые чувства. Он видел нечаянно скатившуюся слезу, и робкую улыбку, но больше всего его поражала грусть и боль, что застыла в красивых глазах женщины. И даже когда она улыбалась, там, в глубине не таяли хрусталики слез. Еще в поезде появилось желание растопить эту грусть, увидеть, услышать, как она смеется.

В любимом кафе на Невском проспекте он днем предусмотрительно зарезервировал столик на двоих. Мягкий приглушенный свет, тихая музыка, хорошее вино и приятный собеседник – чего еще может желать душа взрослого одинокого человека. А вести беседу с этой женщиной Виктору Александровичу легко и приятно. Она умела слушать собеседника, а это такая редкость. Обычно женщины слушают только себя и считают свое мнение важным и неоспоримым. Он терпеть не мог самоуверенных дам. Эти «железные леди» все знающие и все ведающие вызывали у него раздражение. Разговор с ними, все равно, что кожный зуд после укуса комара, большого вреда не принесет, но и приятного ничего нет.

С Ниной можно вести диалог. Тактично и умно она направляла русло беседы в приятное для обеих сторон направление без сюсюканья, без этих извечных женских ахов и вздохов, закатывания глазок. Ее замечания были существенными, а если чего-то не понимала – не стесняясь, переспрашивала. Она честно признавалась, что не владеет той или иной тематикой, и с готовностью воспринимала незнакомую доселе информацию.

Слушая собеседника, женщина смотрела на него, слегка наклонив головку вправо и приподняв подбородок. Это было так мило, так по-детски откровенно любопытно, что создавалось впечатление, будто она не только слушает твой рассказ, но и впитывает все твои эмоции и ощущения. Она ни на минуту не пыталась казаться умной, она была эрудированна, начитана и обладала обширным багажом знаний. И ему хотелось говорить и говорить: о музыке, о театре, об искусстве балета, обо всем интересном на свете, лишь бы видеть это запрокинутое вверх личико, этот неподдельный интерес к его историям или к нему. Впрочем, какая разница.

По грустным глазам, по боли, что затаилась в синих озерах, он ощутил, что на ее маленькие хрупкие плечики жизнь взвалила такой непомерный груз, выдержать который возможно только сильному и волевому человеку. Впервые за долгие годы одиночества, эта женщина волновала, вызывала давно забытое желание – защитить, согреть.

«Э, дорогой, а не влюбился ли ты часом? – с удивлением поймал себя на шальной мысли и тут же смущенно поправил. – Что за глупость, в моем-то возрасте! Внукам на смех».

Выйдя из кафе, они долго бродили по городу. Обоим не хотелось расставаться и чем ближе подходили к гостинице, где остановилась Нина, тем медленнее становился их шаг.

– Не замерзли? – участливо спросил Виктор Александрович.

– Нет, что вы. Сегодня такой замечательный вечер!

– Действительно, такие вечера редкость. Обычно в это время года погода нас не балует – сыро, ненастно и неуютно. А сегодня посмотрите, небо, словно бархат, усыпано звездами. Это Питер решил показать, как он ласков и хорош, чтобы вы чаще к нам заглядывали. Уедете в свою Белокаменную и будете вспоминать и это небо, и эти звезды.

– И эту кружевную листву, что скоро цветным ковром ляжет вам под ноги, – подхватила его реплику Нина.

– Как там Пушкин сказал: «В багрец и золото оденутся леса». Нина, вы часто приезжаете в наш город?

– Очень редко, по случаю, в командировку либо еще по каким обстоятельствам. Вот мы и пришли, – они остановились напротив входа в гостиницу. – Виктор Александрович, я очень благодарна за подаренный вечер. В Белокаменной я буду вспоминать и о замечательном театре, и о сказочном спектакле, и о нашей прогулке по ночному городу. Даже не знаю, как выразить свою признательность за столь щедрый подарок.

– Ниночка, я рад, что у вас останутся светлые воспоминания о нашем городе, – ему очень хотелось сказать «о нашей встрече», но он сдержался. – Позвольте надеяться, что они приведут вас еще не раз в эти места. Обещайте, что, когда я приеду в Москву, вы проведете меня по своим любимым местам, покажете свою Москву. Обещаете?

– С удовольствием! А мы, однако, загулялись, – женщина указала на часы, что висели над входом в гостиницу. – Уже к двум добегают. Вам утром на работу, как вы и когда доберетесь?

– Не переживайте, я не очень далеко живу, да и привык поздно ложиться и рано вставать. Издержки профессии, знаете ли. А вы завтра домой?

– Не завтра, уже сегодня, – поправила женщина.

– Вас там ждут?

– К сожалению, не кому ждать, если только на работе соскучились по моему ворчанию.

– Вот уж не поверю, что вы ворчунья.

– Издержки возраста, увы, – они рассмеялись.

Еще раз поблагодарив его за приятно проведенный вечер, она по переходу пошла к гостинице. Виктор Александрович смотрел, как женщина спокойно перешла улицу, поднялась на крылечко. «Оглянется или нет. Если оглянется – еще раз встретимся», – совсем как юности, загадал желание.

Она уже подошла к входу и взялась за дверную ручку, но непреодолимое любопытство заставило оглянуться: «Если не ушел, значит, будут еще встречи». Она оглянулась и увидела, как Виктор Александрович поднял на прощанье руку.

Он шел по ночному городу, и ему хотелось петь. «Ну-ну. Ты еще козликом взбрыкни!» – осадил свои порывы, но не свое восторженное настроение.

А город действительно красив ночью: притихший, окутанный вуалью загадочности, он, как человек, отдыхал после трудного дня, лишь слегка прикрыв глаза-окна.

Глава 4

Виктор Александрович быстро дошел до своего дома, расположенного на углу Театральной улицы и канала Грибоедова.

Квартира в этом старинном доме осталась его жене в наследство от бабушки, которая прожила здесь с первого дня замужества. Дедушка жены, был инженером. Виктор Александрович помнил, времена, когда на двери квартиры красовалась медная табличка, установленная еще с дореволюционных времен, с красиво выгравированной надписью. Да, нынче инженеры такой популярностью не пользуются. А жаль.

Виктор Александрович присел на лавочку в театральном скверике, не хотелось идти в темноту и тишину пустых комнат. Раньше, возвращаясь вечерами, он поднимал голову и видел свет в окнах. Его всегда ждали. Но вот уже семь лет он быстрой походкой, не поднимая головы, проходит в подъезд, а войдя в квартиру, сам включает во всех комнатах свет и приемник, всегда настроенный на волну шансона.

За все эти годы он впервые присел на старую знакомую скамейку. Это было любимое место жены. Здесь, у памятника, она гуляла с маленькой дочуркой. И потом, когда дочь выросла и уехала в Москву, жена чувствовала себя не очень хорошо, не могла далеко отлучаться, он часто видел ее сидящей в этом сквере, с раскрытой книгой в руках. Иногда она читала, но чаще всего наблюдала за детьми, которые резвились возле памятника.

Виктор Александрович провел рукой по шершавому сиденью скамьи. «Что за вечер сегодня? Волшебство музыки, ощущение нового непредсказуемого и тихая грусть прошлого! Все перемешалось!»

Квартира встретила уже привычной тишиной. Прошел в гостиную и сел в кресло. Мягкий лунный свет, пробиваясь сквозь не зашторенные окна, окутал привычные вещи волшебной дымкой. Откуда-то из подсознания всплыла музыка Бетховена. Не «Лунная соната», нет! Багатель №25 ля минор! Мягкие и трепетные звуки кружили и кружили, легкие, как дуновение весеннего ветерка, возрождали в сердце надежду.

Лабиринты судьбы непредсказуемы и порой за жизненным поворотом она готовит человеку сюрпризы. Приятные или не очень – это уж как ей, злодейке, возжелается.

Вот и сегодня, эта капризная дама, Судьба, преподнесла ему прекрасный и волнительный подарок – чудный вечер, проведенный в обществе молодой женщины. Давно его сердце так не волновалось, очень давно!

Почему-то всплыли воспоминания юности, когда они молодые курсанты военно-морского училища готовились к праздничным вечерам. Надраивались пуговицы курсантского мундира, отглаживались стрелки на «клевых». Да так отглаживались, что впору обрезать! И ожидание – даст старшина пригласительный билет или нет. И в день проведения торжества волнительные минуты неизвестности, – придет или не придет симпатичная блондиночка, которой с надеждой был вручен этот билетик-пропуск в их мальчишеский мир. И радость от встречи, и головокружение от вальса или от чудного запаха партнерши (кто знает?), и страстный шепот, и волнующая близость юного, гибкого, женского тела, и случайно сорванный легкий, как вздох, поцелуй, и грусть от расставания, и надежда на новые встречи. Как давно это было, как давно!

Было – какое грустное слово, даже если оно отражает и приятные воспоминания. Было – значит уже прошло и не вернется, не повторится, как ни велико желание вновь пережить и ощутить волнительные мгновения, сколько бы часто ты не вспоминал, и как бы нежно не хранил в своем сердце. Но на прошлом жизнь не заканчивается, а потому надо жить тем, что есть сейчас. А сейчас есть жизнь там, за окном и давящая тишина здесь, в квартире наполненной воспоминаниями и тенью прошлого.

Болезнь жены подкралась неожиданно. Вначале они не обратили внимания на ее первые признаки и соотнесли все к ленинградской зимней депрессии. Тем более, что причин для этого было предостаточно. Единственная отрада – дочь, поступила в МГИМО и уехала в Москву. Муж пахал воду в морях-океанах и дома появлялся редкими набегам. Квартира, еще недавно наполненная светом, музыкой и звонкими юными голосами, опустела, погрузилась в тишину и ожидание. Предприятие, на котором Надежда работала переводчицей, закрыли в связи с отсутствием финансирования. Попыталась устроиться в другом месте, но кому нужна переводчица, в ту пору, когда закрывались госпредприятия и толпы молодых безработных шли торговать носками и кастрюлями. Надежда почувствовала безысходность, невостребованность, одиночество. Это ли было причиной возникновения той страшной болезни, с которой впоследствии они боролись не один год, но так и не смогли победить, или иные обстоятельства, но однажды произошло непоправимое.

Виктор Александрович тяжело пережил уход жены. Он корил себя за скупость проявления чувств, слов, внимания, и просил прощения за позднее осознание значимости дорогого человека в своей жизни, прекрасно понимая, что ничего уже не вернуть, не возратить, не восполнить. Осознав глубину утраты, он всю свою любовь и внимание перенес на дочь и внука, который родился через пару месяцев после ухода жены в мир иной.

Рождение внука совпало с его выходом в отставку, и первое время он с удовольствием возился с малышом, восхищался его улыбкам и агуканьям. Но однажды проснулся в липком поту. Ему приснилось место якорной стоянки в глубоководном Оманском заливе неподалеку от Ормузского пролива и снующие вокруг БПК иранские быстроходные катера смертников-моджахедов в развевающих белых одеждах. Весь день он проходил под впечатлением сна, а вечером сказал дочери, что завтра уезжает в Ленинград.

– Папуль, что случилось? Мы тебя обидели?

– Что ты, родная! Все в порядке. Но мне надо ехать домой. Нельзя расслабляться, еще много работы на этой планете. Помнишь «Маленького принца»?

– Узнаю своего папку! Билет бери на вечер, мне надо собрать твои вещи.

И он вернулся домой, загрузил себя работой «по самую макушку» – как говорит дочь. Рядом были верные друзья, североморцы. Кинул клич – пришли на помощь, объединились. Одна голова – хорошо, а две лучше. Главное – идея. А она была еще со времен персидской эпопеи. Именно там, лавируя между островками Ормузского пролива, он с благодарностью вспоминал годы учебы в Морском корпусе и наставления отцов-командиров.

– Запомните одну истину: в море может любой дурак выйти, а вот привести в целости и сохранности корабль в порт – только штурман! Недаром еще Петр I почитал таких специалистов. Моряк что? Пришел в порт и направился в кабак, водку пить да баб щупать, а штурман и на берегу готовится к походу, изучает лоции и навигационные карты. Штурман море обязан насквозь видеть, собственной шкурой его чувствовать. Учитесь лоции понимать и навигационные карты читать. Меркатор еще в пятнадцатом веке вам задачу упростил, вычислил координаты магнитного полюса, и принцип построения карт математически обосновал.

Меркатор, с его цилиндрической равноугольной проекцией, равно как секстант и хронометр, прекрасно, но жизнь не стоит на месте, и она связана с научно-техническим прогрессом. А человечество, живущее на этой земле, способствует его развитию, направляя свои познания на разрушение или созидание. Накопленный человеческий опыт ведет к созданию технологических и технических новшеств, способных облегчить, а порой и сохранить жизнь, как отдельной особи, так и общества.

Виктор Александрович со товарищами, «пропахав водичку» двадцать с лишним лет, решили поделиться практическим опытом «со следом идущими». Вначале занялись навигационными картами, затем перешли к усовершенствованию приборов и «пошло-поехало»! Несмотря на перестроечную разруху, безденежье, на одном лишь энтузиазме, они создали свое

предприятие, которое наконец-то приносит не только доход, но и подпитывает мечты и амбиции.

Все эти идеи, проблемы с их воплощением в жизнь помогли Виктору Александровичу не впасть в тоску и депрессию. Хотя, чего там греха таить, встречались женщины, которые надеялись разорвать его круг одиночества. И вполне приличные женщины, которые, так же, как и он, были одиноки и мечтали о семье или хотя бы о верном и преданном друге. Но все они проходили мимо и ни одна не оставила след в его сердце, ни для одной из них он не открыл дверь своей холостяцкой квартиры.

Глава 5

Самые бесстрастные существа на земле – это часы. Чтобы не происходило, какие бы события не потрясали этот мир, они спокойно и четко отстукивают время. Сменяются дни, ночи, рождаются и умирают люди, а время неумолимо ведет свой счет, четко идет и идет. И пока будет этот четкий ритм, будет и этот мир, эта планета, эта жизнь. Мы превратимся в прах, прорастем деревом, травинкой, продолжающей впитывать в себя красоту рассветов и закатов, пить живительную влагу росы, замерзать от стужи и тянуться к солнцу, чтобы ожить и отогреться в его лучах. Мы прорастем маленькой клеточкой и продолжим эту жизнь! А часы все так же будут отстукивать четкий ритм!

После приезда с Питера жизнь Нины изменилась. Внешне это было незаметно. По утрам, выпив чашечку кофе, бежала на работу, а вечером возвращалась домой. Загруженная цифрами и расчетами порой не замечала, когда заканчивается день и начинается ночь. Но это внешне, а внутри, где-то там, глубоко под сердцем маленьким комочком теплилась надежда на новую встречу. Первое время все посматривала на телефон, ждала звонка. Но постепенно это ушло. И лишь в выходные дни воспоминания о поездке навевали легкую грусть и чувство благодарности к человеку, скрасившему ее будничную, серую жизнь.

В один из солнечных октябрьских деньков, под впечатлением воспоминаний, Нина уехала за город. Ехала в электричке и смотрела на проплывающие мимо пейзажи. На одном из полустанков, заметила недалеко синий изгиб реки и вышла. Пешком дошла до берега и присела на поваленную березу. Вид открывался замечательнейший. На противоположном берегу, раскрашенный щедрой кистью осени, купался в лучах солнца лес. По-осеннему потемневшая вода реки серебрилась бликами. И тишина! Только городской человек может оценить прелесть тишины, когда ничего, кроме жужжания запоздавшего шмеля или писка случайного комарика не нарушает покоя.

Нина, которую в последние дни вновь стали мучить тяжелые воспоминания, созерцая эту красоту природы, не заметила, как постепенно все прошлое ушло, уплыло с белыми курчавыми облаками, летящими куда-то по своим важным делам. «Тучки небесные, вечные странники...»

Когда-то, в детстве, удобно устроившись в гамаке с книжкой в руках, она также засматривалась на облака, причудливые очертания которых напоминали моря и далекие страны, буйно поросшие зеленью острова, горные вершины. Ее детская фантазия придумывала жизнь на далеких небесах.

В девять лет Нина осталась без отца, доброго, чуткого, умного человека. Бабушка, успокаивая плачущую девочку, часто приговаривала:

– Не плачь, детка, не горюй. Живи честно и, по совести, не позорь имя отца. Он там, на небесах, и ему все видно. И как ты живешь, и что делаешь! А он в ответе перед Богом за тебя!

Эти слова запали в душу девочки и, глядя на облака, она представляла, как там должно быть хорошо ее папочке. Сейчас, сидя на берегу речушки и всматриваясь в белоснежные кипы, проплывающие в синеве, она представила родных, которые ушли в мир иной. Нет они не ушли! Это их тело покинуло землю, а их души здесь, рядом с ней, в ее сердце. И пока она помнит – они живы.

Неожиданная трель телефонного звонка вернула Нину на землю.

– Добрый день, девушка, – раздался знакомый голос, – Я вас не потревожил?

– Виктор Александрович, здравствуйте. Нет, вы меня не побеспокоили. Я сейчас за городом.

– Вы на даче отдыхаете?

– Нет. Я села в электричку и уехала за город. Вышла на какой-то станции, дошла до речки и сию, люблюсь пейзажем, – почему-то разоткровенничалась Нина.

– Вы одна за городом? – в голосе Виктора Александровича послышались тревожные нотки.

– Одна. А что? Здесь так тихо и спокойно.

– Нина, но это не безопасно.

– Успокойтесь, пожалуйста. Здесь никого нет! Только небо, река, лес и солнце! К сожалению, через полчаса уеду обратно в Москву.

– А раньше уехать нельзя?

– Нет, раньше электрички не будет.

– И далеко до станции?

– Минут пятнадцать пешком. Да что вы все обо мне и обо мне. Расскажите, как там, в граде Петровом, жизнь идет.

– В граде Петровом все нормально. Вот только дожди никак не останятся. Кстати, девушка, а вы не забыли свое обещание показать Москву?

– Не забыла. Вы собираетесь приехать? – сердце Нины пропустило один удар, замерло, а затем бешено заколотилось.

– В ближайшее время собираюсь по служебным делам на пару дней заглянуть. Не могли бы вы уделить немного своего времени?

– Конечно, я всегда выполняю обещания.

– В таком случае я еще перезвоню. А сейчас, мне кажется, пора выдвигаться на станцию, иначе опоздаете на электричку. Договорились?

– Да-да. Я уже иду к станции. Звоните, я буду ждать.

Дни пролетели удивительно быстро в ожидании и приподнятом настроении. Несмотря на загруженность на работе, Нина успела побывать в салоне, чем немало удивила своих сослуживцев.

– Нина Ивановна, – всплеснула руками ее помощница, – какая вы хорошенькая! Вам так идет эта прическа!

– Благодарю вас, Диночка! – смутилась Нина. – Просто мастер чудесный, привел в порядок мою лохматую голову.

– Ага, и улыбаться научил, – подхватила разговор главбухша Тамара. – Ты вся светишься, уж не влюбилась ли в кого?

– А что, разве ей нельзя влюбиться? Она живой человек и очень даже симпатичная женщина.

– Я ничего не имею против ее симпатичности. Непривычно видеть ее такой.

– Вот, вот. Эта работа заела всех. Ходим, как роботы, совсем забыли, что мы женщины.

– Это кто забыл, ты, что ли, Диночка? – пошла в наступление Тамара. – Да ты ни одного мужика не пропустила. Стоит появиться штанам, как тут же своими глазками стрельбу начинаешь.

– И ничего я не стреляю. Они сами липнут, как мухи на мед.

– На мед пчелы летят, а мухи...

– Но-но. Остановитесь девоньки, – вмешалась Нина, – Вы уже перешли на оскорбления, так и до драки недалеко. Ни в кого я не влюбилась. В пятницу иду в театр, вот и сделала прическу. Чего развели склоку. Марш работать!

Виктор Александрович позвонил в четверг вечером. Перебросившись парой общепринятых фраз, как доехал, устроился, они договорились о встрече.

– Нина, я взял на себя смелость и приглашаю вас завтра поужинать со мной. Думаю, что за чашечкой хорошего кофе мы решим вопрос, как провести досуг в выходные дни. Вы обещали составить компанию, насколько мне помнится.

– Я не отказываюсь.

– В таком случае диктуйте адрес, откуда вас можно похитить.

– Вы решили устроить праздник консуалий? Но я не сабинянка.

– Да и я далеко не Ромул, и ярый противник войн.

«Не Ромул...» – Нина усмехнулась. Услужливая память напомнила последнее посещение выставки Огюста Энгра. «Ромул – победитель Акрона». Нина не любит сюжетные полотна, но эта картина произвела тогда на женщину огромное впечатление. Вот он, воин, возвещающий всему миру о своей победе. Превосходство силы и воли. И на земле поверженный, нагой, противник!

Глава 6

Они сидели в маленьком, уютном кафе на Кузнецком, вся обстановка которого приглашала к отдыху: приглушенный свет, ненавязчиво мурлыкающая музыка, мерцающий огоньки свечей, плавающих в больших бокалах, стоящих посередине столиков и удивительный запах темно-красных роз, букет которых предупредительный официант заботливо поставил в большую вазу. Столики в небольшом зале расставлены так, что посетители не мешали друг другу. И даже веселая компания, которая расположилась в дальнем углу, откуда периодически доносились громкие крики: «С днем рождения!», вызывала веселую улыбку. Официант не навязчиво, но своевременно подавал красиво сервированные, и вкусно приготовленные блюда, периодически спрашиваясь, все ли удовлетворяет гостей.

– Вчера, после звонка, я долго думала, куда вас пригласить и что показать в Москве.

– И что же? Разве у вас нет любимых мест в этом большом городе?

– Есть и очень много. Но все они связаны с какими-то событиями из моей не маленькой жизни.

– У вас нет желания делиться со мной своим прошлым. Согласен. И понимаю, и принимаю. Поэтому предлагаю провести выходные без планов. Хватит жить, как попало! Давайте два дня проживем, как придется!

– Интересная мысль. А это как? – улыбнулась Нина.

– Во-первых порах, я предлагаю выпить на брудершафт и отбросить куда подальше это официальное «вы»! Как вам моя идея? Подходит?

– Вполне разумная идея!

– Осуществляем!

Виктор Александрович разлил вино в бокалы и они, соединив руки по обычаю, выпили. Нина чмокнула мужчину в щеку, но тот возмутился.

– Не пойдет! Надо по русскому обычаю трижды в губки целоваться!

И они поцеловались трижды. Первые два – едва коснувшись друг друга, а на третий – он слегка прижал ее к себе и задержал поцелуй.

– Горько! – раздались крики из дальнего угла.

– Это нас просят повторить?!

– Ой! У меня голова закружилась от вина и ваших поцелуйчиков, – засмеялась Нина, пытаясь скрыть свое смущение.

– Не «ваших» девушка, не ваших, а наших! – поправил мужчина. – Чтобы голова не кружилась, надо повторить!

– А это уже в следующий раз.

– Обещаешь?

– А, что не обещаешь после такого вкусного... шампанского, – беспечно махнула Нина рукой и они оба рассмеялись. – А сейчас вы собирались рассказать...

– Не «вы», а «ты»! Еще по бокалу и повторим?

– Нет, нет! Я постараюсь запомнить урок, уважаемый учитель! Во-первых – мы выполнили, а где во-вторых?

– Во-вторых, завтра мы с тобой пойдем бродить по городу. Ты не будешь возражать, если полистаем страницы моей жизни?

– А вдруг проливной дождь как сегодня?

– Тогда я поведу тебя в музей. Ты согласна? Или на выставку. Соглашайся! Тебе понравится, я знаю. Есть желание изменить повестку дня? Я возражать не буду. Нет, вру! Буду возражать, если ты вдруг решишь от меня улизнуть!

– Я не собираюсь от тебя «улизнуть»!

– И это уже обнадеживает. Поэтому я сейчас закажу десерт и кое-что еще, не менее интересное.

Виктор Александрович поднялся и направился к стойке бармена. Нина оглядела небольшой зал. Компания, отмечавшая день рождения, собиралась уходить. Молодые, счастливые ребята со смехом и шутками помогали девочкам надеть плащи и курточки. «Как хорошо быть молодым, когда у тебя еще все впереди, когда вокруг столько тайн, а рядом верные друзья! Когда не надо делить жизнь на до и после!»

– Загрустила? – прервал ее размышления Виктор Александрович.

– Ребята красивые. Как быстро проходит молодость!

– Ну, девушка, вам еще рано грустить о старости! Поверь, ты молода и страшно, понимаешь, страшно красива!

– Ай-яй-яй! А еще умный и интеллигентный, а главное образованный человек! Разве красота бывает страшной?

– Бывает, еще как бывает! А вот и наш десерт.

Когда они вышли из кафе дождь лил как из ведра.

– Сюрприз не удался, а жаль!

– Сюрприз? Интересно, что ты еще придумал?

– В следующий раз расскажу. А сегодня потихонечку поедим домой. Командир, ты не торопись, чем дольше будешь везти, тем большая моя благодарность.

Машина, расплескав огромную лужу, остановилась у подъезда дома.

– Я очень благодарна за столь чудесно проведенный вечер!

– Погоди, девочка, я провожу тебя!

– Но уже поздно и я не могу вас принять!

– Я тебе сказал – понимаю и принимаю твои условия. Позволь подняться на этаж. Мне необходимо знать, что с тобой все в порядке. А завтра мы собирались погулять по городу. Ты не забыла?

– Нет, я помню и согласна. Но это уже будет не завтра, а сегодня.

– Я позвоню. В котором часу можно тебя потревожить? В два, в три пополудни?

– Да. Я буду ждать.

Лифт остановился на девятом этаже.

– До встречи! – он склонился, поцеловал ее руку и вновь вошел в лифт, который медленно пополз вниз.

Едва переступив порог, она тут же включила свет в прихожей, в комнате, во всех комнатах. Она едва сдерживала желание включить музыку и закружиться, закружиться в танце.

«Глупая, какая же ты глупая! Посмотри на себя в зеркало! Посмотри! Какие пьяные, бесстыжие твои глаза! Что ты себе напридумывала? Ну и что? Главное сбылось! Мы встретились вновь! Сегодня было чудесно, сегодня было волшебное хорошо! А завтра? Поживем – увидим! А сейчас спать! Завтра надо быть красивой! Я теперь всегда буду молодой и «страшно красивой»!

Она проснулась от резкого звонка. «Проспала! Он пришел, а я еще не проснулась!» Быстро накинула халатик и бегом в прихожую.

– Кто там?

За дверью тихо, и никто не отозвался. Она заглянула в глазок. Никого. Это телефон звонил! Конечно, телефон! Он сказал, что позвонит! Она открыла сумочку. Телефона в сумочке не было. Она вытряхнула все содержимое на стол, может быть, телефон где-то застрял! Нет! Куда же запропастился этот чертов телефон?! Может быть, забыла его в кафе? Нет. В кафе она им не пользовалась. Телефон отыскался в кармане плаща. Пропущенных вызовов не высветилось. Странно. Она посмотрела на часы. Семь. Ранее утро. Приснилось. Вернулась в спальню

и вновь легла в постель, закутавшись в одеяло. Легкий ветерок колыхал балконную занавеску. Серое октябрьское утро вместе с туманом медленно вползло в комнату, прогоняя сон. Душ и чашечка горячего крепкого кофе – что может быть лучше поутру в выходной!

Субботный день она любила проводить дома. За неделю накапливались домашние дела, которые Нина называла «прибирушки-постирушки», поэтому она поднималась рано утром и принималась за уборку. Обычно к обеду все – от дверной ручки до сервиза на столе, сверкало чистотой, а довольная хозяйка шла «отмокать» в ванную. Затем она готовила для себя что-нибудь вкусненькое, сервировала столик в гостиной, включала телевизор и с большим удовольствием просматривала любимые передачи. Так было. Но в этот день...

Она волновалась, что не успеет завершить уборку до его звонка, что за гулом пылесоса не услышит его звонок, что не успеет привести себя в порядок, что неизвестно куда они пойдут и «совершенно нечего одеть». Все эти «что?» нервировали, отвлекали и замедляли привычную работу. «Да что это я, как студентка первокурсница, трепещу? Устроила слезку за часовой стрелкой! Провел мужик с тобой вечер, накормил ужином – и отлично! И успокойся! Давно, милая, в зеркало смотрелась? Вот то-то!»

Звонок раздался, когда она, завершив субботние хлопоты, нежилась в пенистой ванне.

– Добрый день! Не разбудил? Как спалось?

– Спалось прекрасно, проснулась уже давненько.

– Отлично! Надеюсь, планы не изменились, и мы идем гулять?

– Идем, но не сию же минуту?

– Как договорились – в три! До встречи!

В три дверной звонок проиграл первую фразу из «Полонеза Огинского». Нина открыла дверь и увидела охапку ромашек, а за ними смеющееся лицо Виктора Александровича.

– Ой! Это мне? Благодарю! Где ты их нашел в октябре?

– У тебя пять минут на сборы. Я жду в машине, внизу!

Нина не любила московские пробки. А кто их любит, особенно если куда-либо торопиться и времени в обрез? Но сегодня она никуда не торопилась. Тихая музыка, льющаяся из динамиков, теплая рука мужчины, согревающая ее ладошку, волнующий запах мужского парфюма, смешанный с запахом гвоздик, и неторопливый разговор волновали и заставляли сердце замирать. Нет, она не строила планов, не фантазировала и не придумывала историй дальнейших отношений. Она воспринимала все так, как было сейчас и сию минуту. А сию минуту ей было приятно и волнительно.

Два дня они встречались после полудня и отправлялись гулять по городу. Виктор Александрович оказался не только большим знатоком городских былей и истории столицы, но и прекрасным рассказчиком. С удивлением Нина узнавала и открывала свой город.

– Ты знаешь это место? – спросил мужчина, когда они вышли из машины.

– Конечно. Это Варварка. Вернее, площадь Варварские ворота. Раньше это была площадь Ногина, а в девяностые годы ей вернули историческое наименование.

– А почему Варварские ворота?

– Наверно это связано с храмом Варвары Великомученицы, что вон там, в начале переулочка, расположен. А здесь были ворота в Китайгородской стене.

– Молодец. Второе наименование этих ворот было действительно связано с наименованием улицы и располагались они сразу же за поворотом стены на Варварку, в угловой башне, самой укрепленной на протяженности всей стены. Я где-то читал, когда растерзанное толпой тело Лжедмитрия I везли в Убогий дом, внезапно поднялась буря. Резкий порыв ветра сорвал крышу с ворот, когда через них провозили тело покойника. Не смею утверждать, что это факт, но такая быль существует. Видишь подземный переход в метро? Если спустишься на пролет, то с правой стороны есть небольшой участок, где видны остатки кладки стены, сохранившиеся

с тех славных времен. И название ворот было связано с вон той, красивой церковью «Всех святых на куличках». А ты знаешь историю этой церквушки?

– Ты имеешь в виду Большой московский пожар, который начался от упавшей в пределе церкви горящей свечи? Об этом знает каждый москвич. Этот пожар заставил Дмитрия Донского задуматься о постройке каменной Москвы. Это по его приказу были использованы Мячковские белые известняки, из которых вытесаны камни для стен Кремля. Отсюда и название – Москва Белокаменная!

– Я с тобой не совсем согласен. То, что Дмитрий Донской отстроил каменные стены вокруг построек Кремля – допустимое утверждение, но и оно не совершенно. Но Мячковские белые известняки, как строительный материал для архитектуры Москвы, использовали еще при Иване I Калите. Ведь это он, получив Великое Московское княжество, повелел заложить первую каменную церковь, Успенский собор. Владимирские «камнесечцы» искусно использовали свойства камня, отстраивая резиденцию митрополита Петра, переселенную Иваном I в главный город Великого княжества из Владимира.

– И следует отметить, что храм простоял сто пятьдесят лет. Но когда его стали перестраивать, строительство затянулось на годы, второй, почти возведенный, рухнул. Иван III по совету своей жены Софьи Палеолог пригласил флорентинцев. Иноземные мастера выложили стены из кирпича, секрет изготовления которого они так и не раскрыли, а храм только облицевали белым камнем.

– Ах ты, хитрюга! Я тут распушил фазаний хвост, хвастаюсь своими познаниями, а она тихонечко хихикает, потому что все уже давно знает!

– Ты не прав! Я не хихикала. Ни громко, ни тихо! И рассказываешь ты очень даже интересно! Не знать этих фактов мне стыдно. Архитектура и строительство – моя профессия. А вот твои знания истории столицы мне искренне приятны. Впервые вижу питерца, который с таким восторгом рассказывает о Москве. И это меня удивляет.

– Подчеркиваешь расхожее мнение о соперничестве двух столиц. Но я не коренной питерец и не москвич. Я родился в провинциальном Воронеже. Но, прошу заметить, что именно Воронеж является колыбелью военного флота России и когда-то там жил сам батюшка Петр I. Он самолично руководил строительством первых галер, которые впоследствии приняли участие в морских баталиях под Азовом. А знаешь, сколько знаменитых и умных людей вскормила земля воронежская? Ты когда-нибудь была в Воронеже? Нет! Вот когда мы приедем в мой родной город, я покажу тебе дом, где жил знаменитый художник Николай Николаевич Ге и много интересных мест.

– А мы что, уже едем в Воронеж? Сегодня или подождем до завтра?

– Нет. Сегодня не поедем, а завтра я улетаю на другой край нашей матушки России, в Совгавань. Но мы непременно съездим ко мне домой, на родину. Я тебе покажу улочки, по которым бегал босиком, и школу, где учился, познакомлю со своими друзьями и одноклассниками. Конечно, если ты согласишься. Чего ты смеешься, чего смеешься?!

– А ты посмотри на себя! Расхорохорился, как мальчишка! – Нина повернула его лицом к зеркальной витрине магазина, мимо которого они проходили. И они оба расхохотались громко и звонко, как в юности.

Глава 7

Промелькнуло жаркое лето, отшуршала осень яркой листвой и настала пора красавицы Зимы-Зимушки. Пора-то настала, да Зимушка не торопится, не спешит порадовать белоснежными снегами да замысловатыми узорами изморози на оконцах.

Оголилась Земля, сбросила с себя зелено-цветное одеяние. Устала за лето цвести, плодить и радовать. Ждет не дождется, когда ее укутают в белоснежное пушистое покрывало, чтобы уснуть и отдохнуть от трудов праведных да весны. А весной вновь ожить и еще краше расцвести, и одарить людей щедрыми плодами.

В скверах, аллеях оголились, почернели кусты и деревья. Кажется, недавно принаряженные в пестрые одежки, кружились в буйном танце под флейту осеннего ветра, но потеряли бдительность и не заметили, как хулиган-ветрюган раздел догола и теперь гнет и ломает их голые неприкрытые тела. Стонут, тоскуют, стучат костлявыми ветками, кричат и охают по ночам, ждут, когда, на им плечи накинут белый пуховый шарф.

А черные вороны нахохлились, расселись на ветках, лишь изредка с диким карканьем одна из стаи взлетит, сделает круг и вновь усядется на прежнее место, уткнув нос под крыло.

Где же ты заблудилась, Зимушка-Зима?

– Ниночка, ты еще не ушла? Все уже разбежались.

– Видишь, какие горы разобрать надобно. Конец года. Домой тащить бумаги не хочется. Какая разница, где сидеть – тут или дома.

– Понятно. Я сейчас, – Тамара Афанасьевна поставила сумку на свободный стул, сняла шубку, аккуратно положила сверху, и вышла из кабинета.

– Угу, – не отрывая глаз от бумаг, пробормотала Нина.

Спустя минут десять Тамара вернулась с небольшим разносом, на котором стояли вазочка с конфетами, тонко нарезанный сыр, колбаска и хлеб. Следом за ней охранник внес горячий чайник.

– Ставь, Ванечка, чайник на столик, я уберу тут. Да, Ванечка, не пропусти там посыльного.

– Не беспокойтесь, Тамара Афанасьевна, я на вертушке предупредил ребят.

Едва за охранником закрылась дверь, Тамара слегка выдвинула журнальный столик, стоящий в углу кабинета, не спеша убрала стопку журналов и каких-то бумаг, вытерла пыль и расстелила белую салфетку. Нина, оторвавшись от бумаг, смотрела на действия подруги.

– Ты что это затеяла? И чего домой не идешь?

– А вот сейчас посидим, чаек попьем, поболтаем, как в былые времена, а там, глядишь, и Гриша подъедет и развезет нас по домам. Я ему позвонила, и детей предупредила, что задержусь. Большие уже, сами поужинают. Отдохнуть и поговорить с подругой имею я право? Или как? А ты пока работай, не отвлекайся. Я позову, когда все готово будет.

Тамара все так же неторопливо расставила чашки, в которые положила по чайному пакету, разложила вилки и тарелочки. Спустя какие-то минуты, на столике красовались: пара горшочков с горячим, салат, еще какая-то вкусно пахнущая еда и бутылка коньяка.

– Все! Хватит вертеть свои бумажки! Куда они денутся! Подходи, поужинаем, языками почешем! Да пойдешь, руки вымой с мылом.

– Узнаю мою подружку! Адьо, работенка! Мы с Томкой пьянствовать собрались! Не отходя от рабочего места! Аморально, дорогая!

– Иди, иди! Мои руки. А про мораль опосля поговорим!

Они сидели в креслах друг напротив друга. Верхний свет давно выключили и цветные, мелькающие тени от беззвучно работающего телевизора придавал кабинету некую атмосферу своеобразного уюта.

– До чего же мы дожили, крысы конторские! Мы даже отдыхать разучились нормально. Нет бы, спуститься вниз, перейти дорогу и посидеть в кафе, за столиком, как все нормальные люди. Привыкли все на бегу, на коленке, и бумаги подписывать, и жрать!

– Вот именно – жрать! Потому что ни одна нормальная баба, ой, простите! – женщина! В такую пору так не объедается!

– Да ладно, тебе, Томик, ворчать! Хорошо сидим! Давай еще по глоточку! За тебя, за ту, которая не дала умереть подруге от голода!

– Давай. И за подругу, которая забывает, что надо нормально и вовремя принимать пищу насущную.

– Тогда за нас с тобой и хрен с ними! А коньячок ничего, хорош!

– И мы ничего, приголубили его родимого!

– Половинку всего лишь. Тебе дома от своих достанется.

– Я Гришу попросила за нами приехать. Напьемся, он нас развезет по квартиркам. Имеем право расслабиться?

– Имеем! Расслабиться. А мы с тобой надрались, как слесарюги на стройке.

– Ха! Слесарюги на стройке! Ты когда в последний раз слесаря встречала? А на стройке когда была? Вот то-то! Давно уже всех подряд гастарбайтерами кличут. Слышишь, гастарбайтер – звучит гордо! Тфу, господи, до чего дожили!

– Томка, ты чего завелась? И без этой философии тошно. Давай лучше еще по глоточку, и ты мне расскажешь о моей любимой крестнице.

– Вспомнила. Ты когда ее последний раз видела? Года три тому назад? Крестная называется. Выросла твоя крестница. Уже с меня ростом. Женихи хороводы вокруг водят. Оглянуться не успеем, как замуж выдавать надо. Мы с отцом уже смеемся – будем самыми молодыми бабушка и дедушка!

– Неужели такая большая стала. Погоди, погоди. Это сколько ей уже? Шестнадцать? А помнишь, какие мы были в шестнадцать? Ты такая красивая и гордая! Ходила нос задравши! Принцесса!

– А ты? С содранными коленками, лохматая, с мальчишками мяч на футбольном поле гоняла! Футболистка! А сейчас – маникюрчик, педикюрчик, причесочка – волосок к волоску уложен! Скажи кому про футбол – не поверят!

– Годы, моя дорогая подруженька, годы. Ты хотела, чтобы я и сейчас с драными коленками бегала?

– Да уж лучше с драными коленками, чем с потухшим взглядом! Посмотри на себя в зеркало. На кого похожа? Давай рассказывай, что опять у тебя произошло?

– У меня? С чего ты взяла? Нет, подружка, у меня все то же и все также.

– Но еще недавно ты вся светилась, а тут вдруг опять погасла. Не молчи, поделись. Я не враг тебе.

– Ох, Томочка, любимая подруженька! Не волнуйся, дорогая. Конец года, навалилось забот невпроворот. Отчеты, расчеты, планирование. Мне ли тебе объяснять. В одной упряжке тянем воз. Вот придут выходные, отосплюсь и все встанет на круги своя!

– Ты на новогодние каникулы никуда не поедешь?

– Куда ехать, где меня ждут? И вообще, кому я нужна? Ни Богу свечка, ни черту кочерга! Как в анекдоте про того грузина – одна, одна, совсэм адна!

– А поехали с нами на дачу. Дети будут рады. Побегает на лыжах. Снежную бабу соорудим да в снежки, как в детстве поиграем. Гриша снегоход купил, покатаемся по снежку! У нас

никого не будет, только мы с Гришей и дети. Ты у нас на этой даче еще не была, а там такой красивый лес! И тишина! Вечерком в баньке попаримся, да у каминчика посидим!

– Говоришь никого не будет, только свои, – задумчиво произнесла Нина, разглядывая коньяк в бокале. – А что, я согласна! Поехали!

– Куда эт вы, девоньки, собрались ехать и на чем?

– Ой, Гришенька, куманек мой дорогой, здравствуй! Проходи. У нас еще кофе не остыло. Будешь? Меня твоя жена пригласила Новый год на вашей новой даче встречать!

– Правильно сделала. Я целиком и полностью согласен. Нинок, я такие саночки купил, закачаешься! Представляешь, амортизатор – класс, а подвеска... – и пошло, поехало, мужика понесло.

Что необходимо нашим мужчинам? Это знает практически каждая женщина. Мужчине жизненно важно чтобы его выслушали, чтобы поняли, что он не просто болтун, нет! Он человек, который понимает и знает, о чем говорит. А говорит он всегда по существу того вопроса, который хорошо знает. И не обязательно тебе, его верной подруге, жене, знать, о чем он говорит. Главное, ты должна слушать! И изредка поддакивать, и восклицать: «Да ну! Ну, ты даешь! Класс!» или что-то вроде этих «умных реплик». Все остальное он тебе сам растолкует. Может быть, запутается в словах, дважды или трижды расскажет одно и то же. Ты кивай головой и делай вид, что все понимаешь, что веришь ему, и что тебе очень интересно! И тогда он будет счастлив невероятно, а ты станешь его самой верной и любимой подругой, женой, женщиной.

Тамара уже давно была любимой и любящей женой Гриши, поэтому остановила информационный поток, который он, из-за отсутствия слушателей, собрался вылить на голову подружки.

– Пей кофе и хватит морочить нам голову своими тягами, лыжами да рычагами! Приедем на каникулы, прокатишь. Вот тебе бутербродик, ешь, и поехали по домам. Нинок, собирайся. Домой бумаги не бери. Лучше выспаться хорошо, а завтра, на свежую голову, просмотришь. Я сегодня детям скажу, что ты с нами Новый год встречать будешь.

Глава 8

В последний выходной декабря Нина решила пройтись по магазинам, прикупить чего-нибудь из съестных деликатесов к новогоднему столу, а заодно и подарки для подружки и ее ребятшек.

День выдался чудесный. За ночь подморозило. Снег, который то сыпал мелкой крупкой, то вдруг большими лохмотьями, кружась, ложился на уставшую от сырости и слякоти землю, к утру белым покрывалом укрыл, укутал ее наготу. Выглянувшее из-за туч солнце вдруг заискрилось сотнями драгоценных брызг, отражаясь в белизне снежного покрова.

Людской водоворот на улицах и в метро, задорный смех молодежи, убранство витрин магазинов – все создавало приподнятое настроение в ожидании праздника. Нина в ювелирном отделе выбрала для крестницы маленький сет – капельки сережки, колечко и подвеску на тонкой цепочке украшали голубые фианиты. Девочка уже большая и украшения будут прекрасным дополнением к ее нарядам. Вспомнив, как сокрушалась подружка, что у сына постоянно выходит из строя ноут, она решила подарить мальчику хороший планшет.

Нагулявшись вдоволь по магазину, загруженная сумками с покупками, Нина спускалась по эскалатору вниз, когда ее окликнули.

– Ниночка! Назарова! Подожди внизу! Я сейчас!

Соседний эскалатор поплыл вверх, а с ним и мужчина, окликнувший ее. Нина не успела разглядеть его лицо, но она все же остановилась.

– Ниночка, здравствуй! Как я рад тебя видеть! Вот это новогодний подарок!

– Сережка? Усков! Ты откуда свалился?

– Да вот! По магазину бегал, подарки своим выбирал! А ты тоже? Что же мы тут стоим? Пойдем, присядем в каком-нибудь кафетерии, поговорим.

Чем хороши наши современные супермаркеты, так это тем, что можно и покупки все сделать, и в хорошем питейном заведении расслабиться, и голод удовлетворить, и фильм посмотреть!

– Вот так встреча! Я только вчера тебя вспоминал. Моя дочь, представляешь, живет в том же доме, где ты когда-то жила. Только ты жила в третьем подъезде, а они купили квартиру в первом! Я вчера с внуком по двору гулял и думал, а вдруг ты выйдешь из своего подъезда.

– У тебя уже внуки есть? Молодец!

– Это дочка меня дедом сделала. Они, молодые, сейчас рано замуж выскакивают, либо совсем не выходят. Живут свободным браком. Не то, что мы, даже поцеловаться боялись!

– И большой внук? Как назвали?

– Внук? А, мы позавчера их с роддома привезли. Десять дней! Ниночка! А я тебя сразу узнал. Ты совсем не изменилась!

– Какой маленький! Таких маленьких нельзя еще на улице прогуливать! Мне бабушка говорила, что до месяца ребенка надо особо оберегать. У него еще иммунитета нет!

– А ты где сейчас живешь? Мне кто-то говорил, что муж у тебя по линии дипломатии работает, и ты с ним где-то за бугром. Или перестройка и вас коснулась?

– Коснулась? Перестройка? Да как-то так. Живу, работаю. Вот к Тамаре на Новый год еду на дачу. Ты помнишь Тамару Малькову?

– Нинка! Как же я был влюблен в тебя когда-то! Если бы ты знала! Я боялся даже смотреть в твою сторону. Ты была такая, такая... до сих пор слов не могу подобрать!

– Ты извини, Сережа, но мне пора. Мне очень необходимо уйти.

– погоди, Ниночка, а как же кофе? Я ведь заказал.

– В следующий раз, в следующий раз, Сережа.

Нина торопливо подхватила свою шубку, сумки с подарками и чуть ли не бегом направилась к лифту. В холле первого этажа она присела на банкетку, достала из сумочки влажные салфетки и тщательно вытерла руки, и лишь затем набрала номер и вызвала такси. Такой чудесный день был!

И лишь дома, разложив покупки, Нина вновь улыбнулась, подарки подобраны отлично! Празднику быть! Нина достала с антресолей большую коробку с елочными игрушками. Осторожно открыла, сняла белую салфетку, прикрывающую содержимое, и на мгновение зажмурилась; среди сверкающей мишуры лежали шары!

Когда в последний раз она наряжала елку в своем доме? Три года тому назад, пять, семь? Семь лет! Она помнит тот день, пятница, 27 декабря. Дети в школе на занятиях, муж убежал на работу. Он готовился к очередной командировке. На столе лежат билеты на самолет в Мадрид. Чемоданы почти собраны, осталось упаковать какие-то мелочи. Дети очень расстроены, что придется провести праздники без родителей, но это не впервой, и они уже взрослые, все понимают и умеют сдерживать свои эмоции. Вот только глазенки грустные.

Нина переделала массу домашних дел, чтобы как можно меньше забот легло на плечи свекрови. Она устало присела в кресло и еще раз перечитала список вещей, вычеркивая упакованные, и выделяя, что еще необходимо взять с собой. Через два дня, в самый канун Нового года муж должен представляться послу. Это не первая их командировка. Они побывали в разных странах, и не впервой им внезапно уезжать, но каждый раз волнение и тревога накатывали волнами. Что-то муж задерживается, успеет ли встретить свекровь? Звонок прервал ее размышления.

– Нина Ивановна, меня Степан Павлович прислал. Я елку принес, – на пороге стоял Егор, шофер и механик мужа.

Нина с Егором установили елку на треноге посередине комнаты. Высокая, стройная лесная красавица, отогревшись, расправила ветки, распушилась.

– Ах, какая прелесть! Спасибо, Егор, сейчас придут ребята со школы, обрадуются.

– Да я то что? Это все Степан Павлович!

– Егорушка, а кто бы ее установил? Пока Степан Павлович приедет со службы, пора в аэропорт ехать! Будем рады, если он к ужину дома появиться.

– Та вы не расстраивайтесь. Они там все заседают. Но он сказал, чтобы к шести машина была готова. А что ее готовить. Она у меня всегда на ходу. Нина Ивановна, а вы надолго уезжаете?

– Не знаю, Егорушка! Но ты тут не покидай наших. Если что, малых приструнь. Бабушке будет тяжело. Болеет она у нас. Старенькая и сердце прихватывает, да и с ногами тоже проблема.

– Нина Ивановна, не переживайте. Моя Лида, если что, и по дому поможет, и так, что надо сделает.

– Да, чуть не забыла! Я тут для Лидочки и всем вам рождественские подарки приготовила.

– Ну, зачем вы, Нина Ивановна, балуете нас! Не надо.

– Надо, надо! Я хотела сама приехать, да вот видишь, как быстро пришлось собираться. Неожиданно так все! Мы совсем не рассчитывали на такой поворот дел.

К возвращению детей со школы, Нина достала ящик с игрушками, протерла и разложила их – фонарики, рядом сосульки, фигурки, шары... Нина помнит...

Но сегодня, сегодня она не позволит себе расплакаться. Нина набрала номер и заказала елку. Через полчаса два бравых молодца быстро установили пушистую красавицу на вертушку и помогли хозяйке укрепить иллюминацию. Шары, фонарики, фигурки и прочую елочную мишуру она развесила на пушистых зеленых лапах сама. Вспомнив рекомендации психолога, включила освещение во всех комнатах, нашла телеканал, где шла веселая музыкальная пере-

дача. Празднично украсив квартиру, она отправилась принимать пенную ванну. «Праздник к нам приходит, праздник к нам приходит...» Веселая новогодняя реклама перекрывала шум льющейся воды.

Глава 9

– Тетя Ниночка приехала!

Едва Нина вышла из машины, как попала в объятия детей.

– Здравствуй, здравствуй, мое солнышко! Ну-ка, покажись! Какая ты красивая стала! А это кто такой большой и сильный чуть не задушил меня в объятиях?! Антошка, богатырь наш, ты ли это? Вырос-то как! Выше мамы уже, скоро папу догонишь! – Нина расцеловала ребят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.